

Репрезентация суррогатного материнства: телесериалы и реальная практика*

Лилия Немченко

Ирина Полякова

Уральский федеральный университет,
Россия, Екатеринбург

The Representation of Surrogacy: TV Series and Real Practice

Liliya Nemchenko

Irina Polyakova

Ural Federal University,
Yekaterinburg, Russia

This article explores a novel topic in the contemporary sociocultural sphere, concerning the shift of the “surrogacy” issue from the realm of reproductive medicine, a specialised field of research, to the broader public domain, encompassing social and cultural dimensions. Mass culture has long been fulfilling the mission of a translator of the basic requests and values of the average person. The TV series is a cultural phenomenon that captures the changes occurring in traditional societal structures, particularly family, motherhood, and childhood. The issue of surrogacy has evolved from a purely medical concern to a matter of public interest. It is evident that surrogacy has become a prevalent topic in various serial genres, ranging from comedy to detective and thriller series. Given the broad appeal of the TV series, its engagement with a novel topic is noteworthy. This engagement serves to underscore the importance of the issue and fosters greater interest among viewers in exploring the problem further. Therefore, the TV series identifies the subject of the conversation, its content (semantics), and demonstrates the technical and technological aspects of the new phenomenon, satisfying the viewer’s interest in answering the question “how it works” (pragmatics). The article identifies common misconceptions about the phenomenon under study. It employs a multidisciplinary approach, drawing from cultural and sociological

---

* *Citation:* Nemchenko, L., Polyakova, I. (2025). The Representation of Surrogacy: TV Series and Real Practice. In *Quaestio Rossica*. Vol. 13, № 1. P. 211–230. DOI 10.15826/qr.2025.1.962.

Цитирование: Немченко Л., Полякова И. The Representation of Surrogacy: TV Series and Real Practice // *Quaestio Rossica*. 2025. Vol. 13, № 1. P. 211–230. DOI 10.15826/qr.2025.1.962 / Немченко Л., Полякова И. Репрезентация суррогатного материнства: телесериалы и реальная практика // *Quaestio Rossica*. 2025. Т. 13, № 1. С. 211–230. DOI 10.15826/qr.2025.1.962.

studies to highlight the nuances of artistic mastery and the authentic perspectives of the subjects involved in the surrogacy process, including surrogate mothers, recipients, medical professionals, legal counsel, and specialists from recruitment agencies. The materials for the study include a corpus of TV series on the topic and 16 in-depth, semi-structured interviews with surrogate mothers.

Keywords: contemporary cinema, surrogacy, reality construction, artwork, series, artistic representation

Статья посвящена появлению в современном социокультурном пространстве новой темы, связанной с выходом проблемы суррогатного материнства из медицинского поля исследований (репродуктивной медицины) в общедоступное (общественно-культурное). Массовая культура давно выполняет миссию транслятора основных запросов среднестатистического человека. Сериал как явление массовой культуры фиксирует изменения, происходящие в устойчивых традиционных формах бытования социума, в частности семьи, материнства и детства. Суррогатное материнство на наших глазах перестает быть исключительно специальной проблемой медицинской сферы и приобретает публичный характер. Нельзя не отметить, как оно становится предметом различных сериальных жанров – от комедии до детектива и триллера. Поскольку телесериал ориентирован на широкие слои аудитории, само обращение к новой теме указывает на ее значимость и усиливает интерес зрителя к обсуждению проблемы. Телесериал обозначает предмет разговора, его содержание (семантику), а также демонстрирует технико-технологические аспекты нового феномена, удовлетворяя зрительский интерес в ответах на вопрос, «как это устроено» (прагматику). В статье показаны основные заблуждения (мифы) в оценке исследуемого феномена, а сам феномен рассматривается через призму культурологических и социологических исследований, в которых акцент делается и на особенностях художественного освоения предмета, и на реальном бытовании мнений, интересов реальных субъектов общества, включенных в процесс организации института суррогатного материнства (суррогатных матерей, реципиентов суррогатного материнства, врачей, юристов, специалистов рекрутинговых агентств). Материалами для исследования стали корпус сериалов на заданную тему и 16 глубинных полуструктурированных интервью с суррогатными матерями.

Ключевые слова: современный кинематограф, суррогатное материнство, конструирование реальности, предмет искусства, сериал, художественная репрезентация

Проблема суррогатного материнства лежит в русле междисциплинарных исследований, объединяет в себе огромное количество аспектов – медицинских, правовых, психологических, морально-этических, религиозных. Суррогатное материнство является сложной частью вспомогательных репродуктивных технологий, так как предполагает не только привлечение в родительский проект третьих лиц, но еще и долговременное взаимодействие сторон. По данным Российской ассоциации

репродукции человека (РАРЧ), в России суррогатные матери ежегодно рожают от 700 до 800 младенцев. Таким образом, процесс суррогатного материнства напрямую касается ограниченного количества людей, но обсуждение проблем и перспектив этого явления имеет большой общественный резонанс, так как затрагивает базовые ценности человеческого существования: это родительство, материнство, передача генов, принадлежность роду, идентичность и т. п. Цель работы – описать репрезентацию феномена суррогатного материнства в сериалах с учетом актуализации его основных проблем, соотносенных с позицией авторов сериалов и выявляемых в свидетельствах реальных суррогатных матерей. Сравнение художественных конструкций и задокументированных свидетельств репрезентирует панораму представлений массовой аудитории о серьезных проблемах суррогатного материнства, демифологизирует устойчивые заблуждения, транслируемые в СМИ.

Сериал как разновидность экранных искусств сохраняет все особенности киноязыка и правила конструирования кинореальности. Новые феномены социокультурной жизни наиболее репрезентативны в кинематографе, ибо сериал – это не только «запечатленное время», но и предметно-чувственное пространство, в котором происходит движение узнаваемых/неузнаваемых, обычных/необычных персонажей и событий. Искусство в целом и сериалы в частности перестраивают традиционные представления о социальных нормах.

Авторы сериалов предлагают зрителям некую сконструированную реальность, основанную на соединении принципов жизнеподобия и условности. В каждом фильме или сериале о суррогатном материнстве присутствует обязательный набор локаций и героев, данных зачастую в оппозиции: богатые – бедные, насильники – жертвы, консерваторы – прогрессисты и др. Как замечает Е. Рапопорт, «у общества всегда была и будет потребность объяснять себя для себя, и эффективнее этой цели служат отнюдь не самые высокие жанры» [Рапопорт, с. 23]. Сериал создает «живой контакт с неготовой, становящейся современностью (незавершенным настоящим)» [Бахтин, с. 198].

Сериал как явление массовой культуры улавливает и демонстрирует изменения, происходящие в устойчивых традиционных формах бытования социума, в частности семьи, материнства и детства. Можно проследить трансформацию отношения в обществе к неполной семье, приемным детям, проблемам усыновления (удочерения), к матерям-одиночкам и, наконец, к суррогатному материнству. Исследование суррогатного материнства в сериалах также позволяет по-новому посмотреть не только на семейные отношения, но и на процессы труда, ибо оно понимается как особая трудовая деятельность, а также выявить новые функции женского тела (инкубатор, контейнер, место хранения).

Сериалы в массовой культуре: репрезентация и зрительские ожидания

Сериальный бум, начавшийся на Западе в 1990-е гг. и продолжившийся в качественных сериальных открытиях последних десятилетий

в России, отвечает культурной потребности – «тяге к большой форме». Причины этого явления уточняет И. Кушнарёва: «На фоне сумасшедшего потока информации, членимого на небольшие фрагменты, мы тянемся к устойчивой рамке, которую задает сериал. С одной стороны, сериалы обеспечивают постоянство, с другой – вариации внутри этой рамки. Сериал дает возможность подольше задержаться в полюбившемся художественном мире» [Кушнарёва, с. 19].

Ю. М. Лотман обращал внимание на то, что «одно из основных свойств кино – иллюзия реальности, стремление постоянно возобновлять в зрителе чувство подлинности происходящего на полотне, внушение, что не знаки вещей, а сами вещи предстоят перед ним» [Лотман, с. 667]. Это «чувство реальности» поддерживается у зрителя воздействием фильма: «Поэтому, понимая сознанием ирреальность происходящего, эмоционально он относится к нему как к подлинному событию» [Там же, с. 296].

Изобразительная природа сериала важна в связи с учетом ожиданий зрителя. Как замечают К. Богословская и С. Солнцева, «для зрителей важно наличие в содержании сериала сообщений разных уровней – о человеческих отношениях, проблемах социального плана, о самом “типе жизни” в современной России... Важно, чтобы судьбы персонажей были достаточно емко развернуты, [чтобы были] отражены их чувства, то, что придает сериалу объем, – это для души, есть любовь, лирика, брачные отношения, социальная широта» [Богословская, Солнцева, с. 139]. В том же исследовании авторы, опираясь на результаты опросов фокус-групп, описывают, что хотят видеть зрители: «красоту интерьеров, нарядов, природы, отношений персонажей; их современность, богатство, привлекательность... Явный психологизм взаимоотношений персонажей и их эмоциональную обнаженность... Реалистичность сюжетов, небольшое количество в них надуманных ситуаций, интриг и типажей персонажей. Отражение тем естественного жизненного цикла – жизнь в родительской семье, устройство своей личной жизни, свадьба, семейные отношения, рождение детей, взаимоотношение с родственниками, старость» [Там же, с. 137].

Обращаясь к тематическим телесериалам, мы находим в них репрезентацию систем зрительских ожиданий – богатство одних, правдивое изображение нужды других; сама система ожиданий меняется, что показывают нынешние исследования¹. Зритель телесериалов, как правило, более состоятельный, готовый выбирать и платить за впечатления. Если еще несколько лет назад сериалы, выходящие на стрим-

---

¹ Под репрезентацией мы понимаем «процесс кинематографической фиксации, который основан на принципе подобия кинематографического образа и реальности. Процедура репрезентации, таким образом, исходит из постулирования онтологического статуса изображения (связанного с эффектами присутствия, достоверности, документальности) и основана на выстраивании строгой внутренней системы релевантностей, основывающейся на адекватности элементов кинореальности по отношению друг другу и по отношению к внешней системе релевантностей зрителя и создателей фильма» [Немченко, Якимов, с. 232].

минговых платформах, отличались большей свободой в освоении нетрадиционных тем, то сегодня все подчиняются одним и тем же цензурным ограничениям.

Российских культурологических работ, исследующих проблемы репрезентации суррогатного материнства в кинематографе, практически нет, поэтому мы опираемся на общую теорию массовой культуры Х. Ортеги-и-Гассета, на исследования по поэтике кино и сериалов, то есть на культурологическую методологию [Ортега-и-Гассет]. О сериалах как феноменах массовой культуры существует большой корпус российских и зарубежных текстов [Кислова; Козлов; Кушнарева; Новикова; Golden; Teman; Jacobson; Siegl; Connell]. Кроме того, в работе использовались теория родительства Д. Фридмана [Friedman et al.] и теория человеческого капитала П. Бурдьё.

Суррогатное материнство в сериалах

Несмотря на то, что феномен суррогатного материнства стал предметом художественного освоения не так давно, в мире сложился огромный корпус фильмов и сериалов на заданную тему. Основные жанры, в которых представлены проблемы суррогатного материнства, это драма (психологическая и криминальная), мелодрама, детектив, триллер, комедия. Все сериалы и фильмы можно разделить по репрезентации в них правовых оснований – законна или противозаконна деятельность матерей, доноров, семей; по мотивам того, почему становятся «сурмамами»², по характеру отношений между семьей и сурмамой. Так, в японском фильме «Вальс генов» (реж. К. Отани, 2011) показана противозаконная деятельность врача клиники акушерства, помогающей бесплодным парам находить сурмам. Фильм любопытен соединением незаконных действий героини с ее же альтруистическими побуждениями. Большинство индийских и арабских фильмов и сериалов (в этих странах суррогатное материнство запрещено) посвящены экономике суррогатного материнства как криминального бизнеса – это фильмы «Яшода» (реж. Х. Нарайян и К. Шанкар, 2022), «Чужой ребенок» (реж. А. Мустан, 2001), и в том, и в другом женщины оказываются подневольными рабынями. В фильме «Мими» (реж. Л. Утекар, 2021) показана история танцовщицы, решившей заработать в качестве сурмамы. В основе арабского сериала «Суррогатная мать» (реж. Д. Орьян, 2021) также прослеживается логика меркантильного обмена. Меркантильный дискурс может присутствовать и в комедиях (американский фильм «Вместе-вместе», реж. Н. Беквит, 2021; «Сладкие сны», реж. С. Краг-Якобсен, 2003).

В американской телесериальной продукции проблема суррогатного материнства часто оказывается представленной в жанре триллера, в котором биологические родители оказываются в опасности из-за

---

² В статье используются термины «сурмама», «биомама», «биоотец», «биородители», начинающие входить в международную терминологию описания феномена.

психически неуравновешенной сурмамы. Пара, которая не может зачать ребенка, находит решение своих проблем, нанимая суррогатную мать для вынашивания их ребенка, не подозревая, что нанимает психически неуравновешенную женщину, которая намеревается разрушить их брак, как, например, в канадском сериале «Ловушка суррогатного материнства» (реж. А. Уиллс, 2013). Подобный конфликт обыгрывается в сериале «Суррогатная мать» (реж. Д. Кэмпбелл, 2013), когда супружеская пара нанимает молодую женщину в качестве суррогатной матери, но вскоре обнаруживает, что у нее странные смертельно опасные планы. Брак пары оказывается под угрозой, когда суррогатная мать становится одержимой и хочет, чтобы муж и ребенок были у нее в утробе. В каждом из этих фильмов платная суррогатная мать оказывается катастрофически неуравновешенной и умудряется использовать свою беременность, чтобы заменить жену и подменить другого в фантазии о богатом гетеросексуальном браке. Такие фильмы и сериалы внушают страх перед суррогатным материнством, транслируя якобы сенсационные случаи. Более того, они дают ложную информацию о самом процессе подбора сурмам в странах, где суррогатное материнство официально разрешено, поскольку в реальности претендентки на эту роль проходят серьезный медико-психологический отбор.

Немногочисленные фильмы рассматривают проблему суррогатного материнства шире, нежели факт вынашивания ребенка. В фильме К. Оливер «Подними меня, сбей с ног» (2012) суррогатное материнство рассматривается как часть более широкой дискуссии о представлениях о беременности и воспитании детей, израильский сериал «Чужое тело» (реж. Ш. Каплун, 2023) фокусируется на проблеме телесности как взаимодействия тела и социума, рассматривает властные аспекты телесности, ее влияние на коммуникацию.

Материалом для более основательного анализа являются российские сериалы «Бедные люди» (2016), «Суррогатная мать» (2020), «Контракт на счастье» (2021), «Контейнер» (2021), «Псих» (2021) и израильский сериал «Чужое тело». Выбор иностранного сериала продиктован его концептуальной близостью к сериалу «Контейнер», лучшему из отечественных сериалов на данную тему.

Суррогатные матери – роль сурмамы – сценарии выбора роли

В российских сериалах (возможно, благодаря наследованию традициям русского психологического романа) персонажи обладают интересными биографиями. Общей в биографиях сурмам («Суррогатная мать», «Контейнер») является травма, связанная в случае «Контейнера» с ранней беременностью в 14 лет Александры, главной героини сериала, которую мать заставила написать отказ от дочки и сама удочерила внучку. Александра постоянно находится в ситуации лжи, выдавая дочь за сестру. Алена из «Суррогатной матери» – девушка с явно слишком вольными в прошлом образом жизни – лишается

сына, так как отец и бабушка ребенка уверены, что Алена не сможет его воспитать.

И в том, и в другом случае героини – жертвы обстоятельств. Семейное неблагополучие часто выступает в качестве фактора, провоцирующего решение героини стать сурмамой. Пережить заботу о себе во время беременности со стороны биологических родителей на фоне предыдущего негативного опыта оказывается убедительным с психологической точки зрения сценарным ходом, который подводит и к другим моделям мотивации, к примеру, альтруистическим. В этих случаях главной причиной предоставить услуги по вынашиванию ребенка становится осознание своей миссии помогать людям, причем помощь эта – высшего порядка, где присутствуют и душа, и тело. Так, в сериале Ф. Бондарчука «Псих» будущая сурмама Людмила, замужняя мать двоих детей, признается, что просто хочет помочь. И все-таки одним из важнейших факторов, влияющих на выбор роли сурмамы, остается материальный. Этот стимул присутствует и в отечественных, и в зарубежных сериалах.

В израильском сериале «Чужое тело» 27-летняя разведенная Хен, мать 9-летнего сына, живет в нужде, вынуждена делить крошечную квартиру с отцом, переживает, что ее сын не может приводить друзей в гости, а бывший муж угрожает ей органами опеки, которые могут отнять ребенка, так как она не в состоянии предоставить сыну даже стол для выполнения домашних заданий. В отечественном сериале «Псих» примечателен эпизод, когда герой Олег, желающий подобрать суррогатную мать, встречается с претендентками, которые честно рассказывают о своих мотивах выносить ребенка: ремонт квартиры, поездка в отпуск и т. п. Иногда мотив обретения миссии дарения соединяется с меркантильным, к примеру, героиня «Чужого тела» говорит своему бывшему мужу о решении стать сурмамой: «Еще ничего не случилось, а я готова дарить!»

Для раскрытия темы соотношения бытийных интерпретаций конфликта и его художественного измерения были взяты и проанализированы 16 глубинных полуструктурированных интервью с женщинами, имеющими опыт суррогатного материнства³.

Все опрошенные женщины имеют сложную многосоставную историю жизни в родительской семье и в собственной личной жизни. В первом приближении большинство из них отвечают на вопрос

---

³ Возраст суррогатных матерей (СМ) – от 26 до 36 лет. Все женщины были пациентками двух крупных репродуктивных центров. У девяти из них высшее образование, у четырех – среднее специальное, у трех – среднее. Половина из них находится в разводе, трое – в браке, четыре – в гражданском браке, одна вдова (потеряла мужа, будучи беременной в программе суррогатного материнства). У восьмерых – двое детей, у двоих – трое, у шести женщин – один ребенок. Профессиональная занятость самая разнообразная: от курьера, работы в сфере услуг и торговле до исполнительного директора и преподавателя колледжа. 16 информанток родили в совокупности 26 детей в программах суррогатного материнства (в том числе четыре двойни). У шестерых женщин есть двукратный опыт суррогатного материнства, у десяти – по одному эпизоду, трое из них были беременны на момент проведения интервью (см. прил.).

о родительской семье вполне позитивно. При описании детства используются слова «хорошее», «веселое», «обычное», «среднестатистическое». Но в ходе интервью удается выяснить реальную картину, которая характеризуется, к примеру, отсутствием отца в семье (восемь случаев из 16): «В семье я одна. Мама меня родила, она была одна. Родила для себя, ей было уже 30 лет» (СМ 2), – а иногда и обоих родителей: «Я росла с бабушкой. То есть мама оставила меня, она уехала на заработки во Владивосток». – «А папа?» – «Нет. Я нагулянный ребенок, у него семья была» (СМ 7). Также отмечаются алкоголизм отца (четыре случая из 16), наличие отчима, а иногда и нескольких: «У мамы были мужчины после отца, двое из них скончались, и мама ушла в монастырь» (СМ 3); воспитание старшими родственниками либо полное его отсутствие: «Меня воспитала улица – все, что могу сказать (*плачет*)» (СМ 9); «Меня травили в школе, я нерасчесанная, грязная ходила, за мной как-то не особо следили» (СМ 11).

Многие женщины говорят не столько об эмоциональной глухоте своих родителей, сколько об их отсутствии вследствие тотальной занятости: «Родители работали постоянно, я была одна, сама себе предоставлена» (СМ 1); «В наше время нам особо уделять внимание не получалось, родителям нужно было зарабатывать, зарабатывать» (СМ 8).

Большинство из информанток повторяют этот жизненный сценарий в собственной семье. Половина из них пережили развод, шестеро из 16 имеют детей от разных мужчин. Многие женщины сталкивались с предательством супруга: «В полтора месяца сын заболел менингитом, и мы его чуть не потеряли. Я узнала о том, что, пока мы в больнице лежим, муж с друзьями в клуб ездил, отдыхал, и мне стало, может, необоснованно, но мне стало обидно, что я здесь с ребенком, боремся за его жизнь, а он развлекается. Мы развелись» (СМ 1); «Он ушел. Я потом уже узнала, что к другой женщине... нет, с детьми не общается... бегаёт от приставов» (СМ 5).

Тем не менее, никто из них не находится в позиции жертвы, все героини говорят, что в настоящем времени отношения как с родительской семьей, так и с бывшими/настоящими партнерами/супругами им удается выстроить таким образом, чтобы не тратить время и силы на негатив и иметь ресурсную базу в семье. Как показывает практика, женщина, способная выносить чужого ребенка, обладает навыками совладающего поведения и устойчивости к жизненным невзгодам. На вопрос «Какие у вас отношения с родителями?» звучат ответы: «Отношения сложные. Может быть, я в чем-то виновата, может быть, они. Но это было и прошло, у меня – дети, у них – бабушка и дедушка, живем дальше» (СМ 10); «Да все отлично, все хорошо. Так получилось с мужем просто. Сейчас выкарабкиваюсь из этого положения» (СМ 5).

Суррогатная мать vs биологические родители

Суррогатное материнство – продолжительный процесс, начинающийся с заключения договора, включающий в себя медицинские ма-

нипуляции, подтверждение, а затем и наблюдение за беременностью, роды и подписание сурмамой отказа от ребенка, в котором принимают участие три человека. Весь этот процесс потенциально наполнен различными психологическими конфликтами, возникающими между участниками договора, именно конфликты определяют динамику сюжетного развития сериального действия.

Социальная реальность, конструируемая в сериалах, неоднородна и с экономической точки зрения, и в аспекте представленности социальных статусов. В самом общем виде это миры состоятельных и немущих, принадлежащих к разным социальным слоям. Традиционно женщины-доноры в фильмах находятся гораздо ниже по социальному статусу, чем заказчики. Биологические родители, как правило, всегда состоятельны, а суррогатные матери испытывают нужду. Героиня сериала «Чужое тело» однажды точно определяет роли биологической и суррогатной матерей как «банкомат» и «инкубатор».

Сериалы «Контейнер», «Суррогатная мать», «Чужое тело» наглядно представляют быт биологических родителей и сурмам. И если в отечественных сериалах присутствует разительное несоответствие между миром дворцов и миром «хижин», то израильские локации более демократичны, а потребление в них более скромное и разумное. Разные подходы к изображению быта супружеских пар, мечтающих о детях, не мешают авторам сериалов проявить единство в конструировании ролевых конфликтов в сложившихся треугольниках семьи и сурмамы.

Независимо от стран-производителей истории биологических мам, показанные в сериалах, вызывают зрительское сочувствие, все эти женщины прошли через череду физических и душевных страданий, прежде чем приняли решение обратиться к суррогатному материнству. Однако это сочувствие всегда сменяется антипатией, ибо в вышеназванных сериалах биологические матери представлены в большей или меньшей степени как источники насилия и опасности. Насилие имеет свои основания, они кроются в естественных переживаниях за плод, совмещающихся с бессознательным чувством мести (досады, ревности). Таким образом, естественная забота о плоде, вынашиваемом в другом теле, превращается в свою противоположность. Не случайно в сериале «Чужое тело» врач говорит биомаме Элли и сурмаме Хен: «Вы должны стать одним телом». Авторы сериала дополняют известную метафору «чужая душа – потемки» констатацией того, что и чужое тело – потемки.

Осваивая тему суррогатного материнства, авторы сериалов вступают на территорию философско-этического дискурса, касаясь проблемы заботы и ее границ. Забота в сериалах представлена в традиции Хайдеггера как «заботливость», некое отношение к Другим. Заботливость существует в двух модусах – подчиняюще-заменяющем (*einainspringen*) и заступнически-освободительном (*vorausspringen*) [Хайдеггер, с. 122]. В первом случае заботящийся человек как бы заменяет другого, присваивая себе проблемы того, о ком заботится, кто

оказывается в зависимой позиции. Второй модус не предполагает, что заботящийся будет брать на себя решение проблем субъекта заботы. Как правило, в сериалах доминирует подчиняюще-заменяющая заботливость: биомамы из лучших побуждений навязывают свой образ жизни (в «Контейнере» сурмаму заставляют постоянно посещать спа-салон, в «Чужом теле» – ходить к рефлексотерапевту), свои представления о здоровом питании, тем самым ущемляя права женщин на их привычки и собственные телесные практики. В сериалах биологические мамы не умеют «заботиться без ущерба для самореализации», не понимают, что «забота должна способствовать... уменьшению степени зависимости нуждающегося в ней человека» [Здравомыслова, Тёмкина, с. 579].

В результате забота/заботливость оказывается репрессивной практикой, и степень репрессивности зависит от культуры биомамы, в случае с фильмом «Контейнер» она предельная, граничащая с садизмом, в случае «Чужого тела» биомама понимает, что она не может справиться со своей гиперопекой, поэтому тактично оставляет право на заботу о сурмаме мужу, но при этом страдает от своей ненужности. Тактичный уход в сторону определяет дальнейший ход беременности и родов (сурмама зовет на роды биологическую мать).

В российских сериалах биологические матери – это, как правило, неработающие женщины, не очень воспитанные и развращенные богатством мужей, в сериале «Чужое тело» Элли – доктор филологии, известный преуспевающий редактор, умная, деликатная, но при этом тоже пораженная вирусом ревности и досады, раздираемая комплексами вины и неполноценности. И если истеричная героиня «Контейнера» способна вызвать только неприятие, то Элли из «Чужого тела» вызывает сложный комплекс очень разных эмоций – сострадание, непонимание, несогласие, удивление.

Именно в отношениях между женщинами обостряется проблема установления новых трудовых отношений между заказчиком и исполнителем. Окружая сурмам немислимой опекой, насильственной заботой, биологические мамы указывают им на их функциональное предназначение – быть контейнером, «маткой на ножках», как говорит о сурмаме один из героев сериала «Бедные люди». В сериалах конструируется драма замещения, где биологические мамы компенсируют в опеке над беременной свою неспособность выносить собственного ребенка, а сурмамы теряют свою свободу в обмен на будущий гонорар. Мужчины же – биологические отцы – в сериалах показаны как достойные состоятельные люди, зачастую защищающие сурмам от своих жен, что вызывает еще большее напряжение в отношениях между женщинами.

В реальности все гораздо проще и прозаичнее. Из 26 удачных программ, в которых совокупно участвовали наши информантки, шесть программ были анонимными, в остальных суррогатные матери были знакомы с биоматерями. Знакомство с биологическим отцом произо-

шло только в семи случаях и было максимально нейтральным – мужчина присутствовал на периферии отношений, в лучшем случае участвовал в решении каких-то бытовых вопросов. В единственном случае биоотец запомнился женщине тем, что принес в роддом яблоки, а после родов подарил ей золотые серьги (СМ 6). Типичной является ситуация, когда «весь период беременности мама биологическая со мной вдвоем ходила, и никогда не присутствовал биологический отец» (СМ 14), или «с мамой я встречалась лично, папу не видела лично, но слышала, чем он занимается. С мамой мы ездим вместе на какие-то УЗИ, консультации, на все приемы, на которые она может приехать» (СМ 15).

Э. Фромм отметил, что «материнская любовь по самой своей природе безусловна» [Фромм, с. 16], а внутренняя необходимость мужчины в ребенке строится на ожидании будущей совместной социальной деятельности. Степень соответствия поведения ребенка требованиям отца определяет его любовь к сыну или дочери: «Отцовская любовь – это любовь обусловленная. Ее принцип таков: “Я люблю тебя, потому что ты оправдываешь мои надежды, потому что ты исполняешь свой долг, потому что ты похож на меня”» [Там же, с. 17]. Возможно, эти различия оказывают определенное влияние на уровень активности женщин и мужчин и в процессе суррогатного материнства.

В целом отношения с биородителями женщины определяют как «хорошие, как бы деловые» (СМ 10). На вопрос «А если ваши “био”, например, скажут вам, что “мы бы хотели, чтобы вы вот это ели, это не ели, тут спортом занимались”» типичным ответом является: «Я, конечно... как к работе отношусь. Если они скажут так, значит, так. Это же их ребенок, я ответственность за это несу. Если надо так, значит, так» (СМ 5). Такого же мнения придерживаются многие современные исследователи и эксперты [Smietana et al.; Полякова].

Биомать в большинстве случаев в реальности действительно играет роль «включенного отца» – решает бытовые проблемы, следит за питанием, самочувствием и результатами анализов, ездит на приемы к врачам, участвует в сложных жизненных ситуациях суррогатной матери. Одна из информанток, будучи беременной на 20-й неделе в программе суррогатного материнства, трагически потеряла мужа (он погиб на рыбалке) и осталась одна с тремя детьми. Она рассказала, что в этой ситуации биологическая мама очень ее поддержала, участвовала в организации похорон, помогала с детьми, была все время рядом. В восьми случаях из 26 биомать присутствовала на родах.

Примерно половина женщин указывает на сложный путь к беременности: «Не сразу получилось: был аборт, потом замершая беременность... Но со стороны биомамы колоссальная поддержка была» (СМ 11). Или: «После выкидыша выяснилось, что у меня проблемы с железом, и я сказала, что пусть другую выбирают, я не обижусь. Но “био” решила – только со мной» (СМ 15). Только двое из женщин указали на моменты гиперопеки в отношениях с биоматерью, одна из них так охарактеризовала свои впечатления:

Там мама меня так... биомама, биологическая мама под колпак такой мамский посадила, заменила мне и маму, и мужчину, и сестру, и друга, и всех на свете, то есть я была под постоянным присмотром... не то, чтобы присмотром, а общались, общались каждый день, она искренне спрашивала, как дела, искренне очень относилась ко мне, и какого-то рода даже чувства были к ней (СМ 9).

Единственный раз в одной из программ одна из наших информанток столкнулась с крайне травматичной ситуацией, когда биологические родители после наступления беременности настоятельно предложили ей сделать аборт по причине финансовых проблем (СМ 5).

Безусловно, общий социальный и финансовый уровень реальных биородителей гораздо выше, чем уровень суррогатных матерей. И мотивы суррогатных матерей, опрошенных нами, в большинстве своем прагматичны, так же как мотивы других суррогатных матерей стран, где разрешено коммерческое суррогатное материнство [Smietana et al.; Tanderup et al.; Elder]. Их цель – посредством получения гонорара качественно улучшить свою жизнь и жизнь собственных детей: «Я не согласилась вынашивать ребенка тем за меньшую сумму, потому что я знала свое состояние здоровья, я говорила, что мне нужна была конкретная сумма, чтобы выплатить долги: ипотеку и кредит за машину» (СМ2); «Я бы, конечно, хотела улучшить свою жизнь. Я после развода уехала к родителям и живу до сих пор с ними. Мне очень сложно» (СМ3).

Но никто никого не подавляет красотой интерьеров или глубокой бассейнов, как это показывают в некоторых сериалах. В реальности суррогатная мать живет своей жизнью, в которой всегда есть собственный ребенок (дети) и близкий круг общения, партнер или супруг, работа и обязанности. А общаться обе стороны предпочитают на нейтральной территории и по делу. Кроме того, существует теория родительства как снижения социальной неопределенности личности (*uncertainty reduction theory of parenthood*), связывающая ценность детей с мотивацией снижения неопределенности в результате приобретения нового социального капитала. «Иметь ребенка – значит изменить уровень не/определенности в своей жизни от неопределенности до достаточно высокой определенности» [Friedman et al., p. 384].

В теории человеческого капитала П. Бурдьё социальный капитал связывается с включением индивидов в те социальные группы, которые могут предоставить необходимые для решения проблем личности материальные и иные средства. Этот капитал представлен «в форме материального и/или символического обмена, который способствует их [отношений] поддержанию» [Бурдьё]. Социальный капитал людей, которые благодаря суррогатному материнству могут обрести счастье материнства и отцовства, характеризуется получением значимого статуса родителей, идентификацией себя с теми, кто занимается воспитанием, развитием нового поколения, способствует сохранению своего этноса, страны. В этом контексте положе-

ние суррогатных матерей гораздо прочнее относительно положения биородителей-заказчиков.

Суррогатное материнство глазами общества в сериалах и реальности

И в реальной жизни, и в сериальной продукции ситуация суррогатного материнства становится предметом обсуждения близкого круга биологических родителей и суррогатной матери (родителей, родственников, мужей, детей) и круга дальнего (коллег по работе, подруг, участников социологических опросов).

Интродукцией сериала «Контейнер» является стихийный опрос в 1-й серии, в котором представлено большинство типов отношений к суррогатному материнству. Опрос проводят молодые люди, члены, по всей вероятности, какого-то объединения, поддерживающего возвращение общества к традиционным ценностям. Реплики персонажей в фильме довольно разнообразны и принадлежат различным по возрасту и полу респондентам:

1. Девушка: «Сур. материнство – ок. Зачем мне портить фигуру, если это может сделать кто-то другой. У меня – тело, здоровье, у сурмамы – деньги. Все довольны».
2. Другая респондентка: «Это развлечение для богатых».
3. Мужчина: «В цивилизованных странах суррогатное материнство запрещено, Россия, как всегда...»
4. «Я хотела помочь обрести счастье материнства, а деньги здесь не главное».
5. «Заморозила клетки – кайфуешь, путешествуешь. Захотела – выносил тебе кто-то».
6. «Если не вынашивает и не рождает, какая она мать? Получается, что она его купила».
7. Молодая женщина оправдывается: «Мы с мужем все перепробовали, что такого, если мы будем счастливы?»
8. Мужчина: «Это удел неверующих людей. Церковь не крестит детей, полученных ЭКО».
9. Священник: «Материнство – дар Божий, благодать, а мы берем, делаем по-своему, это все не останется безнаказанным».

Завершается опрос пикетом около клиники с плакатами «Дети не для продажи», «Покупая ребенка, не становишься матерью».

Необходимо отметить, что в мире нет единства относительно законодательного регулирования механизмов суррогатного материнства. Мнения законодотворцев разнообразны вплоть до полярных: от полного запрета института суррогатного материнства на территориях Франции, Германии, Испании, Италии, Португалии [Ellenbogen et al.] до разрешения суррогатного материнства во всех его формах (гестационное, коммерческое и международное) с учетом особеннос-

тей страны – Греция, Великобритания, Иран. Промежуточный вариант подразумевает исключительно альтруистическое суррогатное материнство (Нидерланды, Бельгия, Дания, Чехия [Ghodrati]).

15 сентября 2021 г. ВЦИОМ и видеосервис START представили результаты опроса об отношении россиян к суррогатному материнству, приуроченного к выходу сериала «Контейнер». По результатам опроса 70 % россиян придерживаются мнения о допустимости данной процедуры в сложной ситуации, когда у людей нет возможности самим родить детей. Наиболее распространена среди россиян точка зрения о допустимости суррогатного материнства на уровне законодательства на любой основе – денежной или безвозмездной (42 %). Данное мнение чаще выражала молодежь от 18 до 34 лет (52–54 %). Считают, что суррогатное материнство следует разрешать только за денежное вознаграждение, 18 %, только на безвозмездной основе – 9 % респондентов. По мнению еще 18 % опрошенных, суррогатное материнство в принципе не следует разрешать на законодательном уровне.

Самым распространенным мифом о суррогатном материнстве является представление, что женщина без медицинских противопоказаний к вынашиванию и рождению ребенка может прибегнуть к помощи суррогатной матери. Это утверждение сочли правдой 66 % информированных о суррогатном материнстве россиян. Мифом его назвали 15 %, а 19 % затруднились с ответом.

Вторым по распространенности заблуждением является представление, что суррогатная мать может быть генетической матерью вынашиваемого ребенка (правдой это посчитали 46 % информированных о процедуре россиян). Около трети это сочли мифом (31 %), еще 23 % затруднились ответить. Разделились мнения россиян о правдивости и ложности утверждения о приоритетном праве суррогатной матери забрать ребенка после рождения. Согласно российскому законодательству, данное утверждение верно, и так ответили 36 % информированных о процедуре россиян. При этом 31 % считают это мифом, а 23 % затруднились ответить [Суррогатное материнство: за и против].

Результаты интервью с суррогатными матерями подтверждают картину представлений о явлении, данную в «Контейнере», и она мало отличается от материалов ВЦИОМ:

Для нашего общества суррогатное материнство – не норма. Многие мало знают о нем и думают, что это продажа собственных детей. В кино вот это показывают. Или неправду говорят, что мама суррогатная себе ребенка оставила, а потом с папой этим осталась (СМ 8);

Я думаю, у нас как-то это не очень принято. У нас еще много каких-то странных вопросов. Меня тоже спрашивали, со мной ли ребенок живет, некоторые даже не понимают, что это не моя яйцеклетка (СМ 11);

Просто первый раз когда с этим сталкиваешься, сам-то не знаешь, как к этому относиться, а еще если отрабатывать какие-то чужие возражения (СМ 6);

Я не знаю, какой процент людей к этому нормально относится вообще в принципе. В больших городах, мне кажется, это более норма, чем в маленьком. В маленьком я бы не появилась ни за что беременная в качестве суррогатной мамы (СМ 9);

Мне вообще... чтобы ко мне подойти и лично спросить: «куда ты дела ребенка?» – такие вопросы никто не задавал. Был один случай, подошла знакомая и говорит: «Ой тебя можно поздравить? Где лялька-то?» А я говорю: «Нет». И она, видимо, поняла под «нет», что я, видимо, потеряла ребенка или что, и после этого она побледнела и говорит: «Извини, я не знала», – и ушла (СМ 2);

Мы сейчас живем в такое время довольно демократичное, что только не творится. Поэтому и это можно посчитать нормой. Но я считаю – это только в тех случаях, когда это не блажь (что я не хочу беременеть, толстеть), а когда реально есть потребность в этом по медицинским показаниям (СМ 12);

Я знаю, что Бог есть, но я не верю в христианство, буддизм, Бог внутри меня. И я точно знаю, что я дала новую жизнь и в этом не может быть ничего плохого (СМ 14);

Главное, чтобы каждый дошел до финальной точки, которую он видел. Есть цель – иди к ней, одни получили, у них была цель получить ребенка, но никак уже, это был самый последний выход, и вот, пожалуйста, все дошли до конечной точки. Я от них получила свою зарплату. Я скорее всего этой политики придерживаюсь. Не углубляюсь во все эти вопросы (СМ 3);

Это очень важно в принципе, потому что много пар существует, которые, к сожалению, не могут иметь детей и хотят именно своих детей, а не забрать ребенка из детского дома. Если бы не было суррогатного материнства, к сожалению, таким родителям бы не удавалось помочь (СМ 16).

Отношение ближнего круга к решению пары заключить контракт тоже бывает противоречивым, чаще всего оно негативное. Главными противниками оказываются и родители пары, и родители сурмамы. Несогласие с решением детей (взрослых самостоятельных людей) чаще всего проявляется в нежелании помочь материально. Только герои «Контейнера» и «Психа» обладают нужной для контракта суммой.

Эмоциональная глухота – жизненный фон, в котором живут персонажи многих сериалов. Так, Лиза, героиня «Суррогатной матери», пережившая несколько неудачных беременностей и ЭКО, приходит к своей матери с просьбой одолжить денег на суррогатную мать, она плачет, объясняя, что так она сможет обрести смысл жизни, на что мать цинично отвечает: «Ты так же плакала в 9-м классе, когда просила собачку, и ничего, не умерла». Отказывают в нужной сумме и родители Идо, мужа Элли. Справедливости ради надо заметить, что Идо самостоятельно справляется с задачей, перейдя в новую компанию, предложившую ему кредит.

Помимо отказа в материальной помощи, травматичным оказывается отсутствие поддержки со стороны родителей как супругов,

так и сурмам. Здесь срабатывают и консервативные представления о таинстве деторождения, и личные истории негативного отношения к материнству, и подозрительное отношение к работе сурмам.

Так, в сериале «Псих» Кира, профессор, сексолог, мать Олега, собирающегося завести ребенка с помощью суррогатной матери (его жена пропала), грубо вмешивается в жизнь сына, требует от сурмамы отказаться от планов, объясняет сыну, что «ребенок – это приговор, это навсегда», что заводить детей – большое заблуждение, тем более от суррогатной матери, и ее опыт материнства – тому доказательство. Мать Элли из «Чужого тела» не так груба, как Кира, но, тем не менее, всем своим поведением показывает, что дети – это не лучшее, что есть в жизни, и она очень рада, что родила Элли в кибуце, сразу отдала ее в ясли и забирала домой раз в неделю. Родители Идо из «Чужого тела» тоже без всякого оптимизма принимают известие о предстоящем рождении ребенка.

Нет поддержки со стороны родителей и у суррогатных матерей. Александру из «Контейнера» мать, учительница по профессии, считает проституткой, отец Хен из «Чужого тела» поначалу с большим подозрением относится к работе дочери, считая, что какие-то богатые люди просто эксплуатируют ее здоровье.

Травматичные истории могут разворачиваться и в жизни детей суррогатных матерей. Девятилетний Ури, сын Хен из «Другого тела», читает в классном чате сальные шутки о своей матери, которая «всем может помочь», в следующей серии мы оказываемся свидетелями разговора в учительской, где завуч рассказывает родителям Ури, что тот отобрал у одноклассника телефон, бросил его на пол и растоптал. Мы понимаем, почему ребенок так поступил. В сериале дан прекрасный пример того, как сложные проблемы не замалчиваются, а проговариваются, обсуждаются, школа при этом поддерживает и оскорбленного мальчика, и его мать. В российских сериалах конструктивного обсуждения и сотрудничества социальных институтов по проблемам суррогатного материнства мы пока не находим.

* * *

Телесериалы и сериалы, созданные для онлайн-платформ, давно заняли свою нишу в массовой культуре. Их функции изоморфны массовой культуре – развлекают, просвещают, компенсируют. Сериальная продукция при всей своей содержательной и формальной специфике (иной характер хронотопа) создается по художественным законам, то есть осваивает жизненный материал с учетом художественной условности, обращается к индивидуальному опыту, выявляя в нем типичное. При этом сериалы осваивают новые проблемы современности, такие, которые приходят из узкопрофессиональных сфер деятельности, в частности медицины. Попадая в пространство художественной реальности, эти проблемы из узкоспециальных превращаются в этические.

Репрезентация проблем суррогатного материнства в сериалах выполняет ряд важных функций: во-первых, происходит их легитимизация в общественном сознании, дается вариант решения драматичной для многих проблемы бесплодия, во-вторых, осуществляется конструирование разновекторной сложности проблемы, в-третьих, рассматриваются возможные конфликтные зоны сложного явления и моделируются варианты решений.

Десятки зарубежных и российских сериалов о суррогатном материнстве при всем различии показанных в них их бытовых и ментальных особенностей вскрывают общие проблемы явления: мотивы принятия решения с двух сторон – суррогатной матерью и биородителями, развитие отношений между биологическими родителями и сурматерями, аксиологию отношений социума к суррогатным матерям и биородителям.

В исследованных сериалах – российских «Суррогатная мать», «Контейнер», израильском «Чужое тело» – решение стать суррогатной матерью продиктовано сложным материальным положением и надеждой это положение исправить. Понимание ценности процесса как дара приходит к их героиням значительно позднее. При этом, осознав свои способности дарить жизнь, сурмамы приходят к решению повторить опыт вынашивания детей. Такой опыт конструирования собственной жизни через рождение ребенка для другой семьи пока не стал предметом художественного освоения, но он, безусловно, демонстрирует жизнестойкость женщин, осознанно избранную ими гармонию личного и общественного блага.

Для героинь рассмотренных сериалов характерны проблемные отношения с родителями, это касается и биологических родителей, и родителей сурмам. Их уровень образования и материальное положение не играют никакой роли, что может свидетельствовать об осознании в художественном пространстве конфликта поколений по отношению к данному вопросу.

Сериалы о суррогатном материнстве обнажают серьезную этическую проблему – границ и навязывания заботы, парадоксального превращения заботы в насилие.

В сериалах «Контейнер» и «Чужое тело» наиболее точно демонстрируются все нюансы феномена суррогатного материнства: отношение к нему социума, биографии героев, их эмоциональные состояния, динамика чувств – от отстранения по отношению к плоду до нескрываемой привязанности к нему, возможные коллизии между заказчиками и исполнителями. Эти сериалы опираются на правовые основы суррогатного материнства и дают правдивую информацию об этом феномене, что доказывается приведенными в статье материалами интервью с суррогатными матерями.

Практически все сериалы ставят вопросы о конфронтации между общественными представлениями и ситуативным мнением конкретных людей, попавших в сложную жизненную ситуацию. Сериалы

снимают общественные страхи перед суррогатным материнством, демонстрируя стратегии выхода из заданного жизненного цикла, качественного улучшения своей жизни и жизни собственных детей тех, кто решился стать суррогатными матерями, а также сценарии обретения счастья биологическими родителями.

Приложение

**Список информантов
(г. Екатеринбург, Россия)**

№	Возраст	Образование	Семейное положение	Наличие детей	Дети, рожденные посредством СМ
СМ1	31	Среднее специальное	В третьем браке	2	2
СМ2	33	Высшее	В разводе (два брака)	2	1
СМ3	30	Среднее специальное	Во втором браке	3	1
СМ4	33	Высшее	В разводе	2	2 + 6-й месяц беременности
СМ5	30	Среднее	в разводе	2	2
СМ6	34	Высшее	В разводе	1	4
СМ7	26	Высшее	В разводе	2	6-й месяц беременности
СМ8	31	Высшее	Во втором браке	3	1
СМ9	33	Среднее специальное	Мать-одиночка	1	3
СМ10	36	Среднее	В разводе	1	2
СМ11	28	Неоконченное высшее	В разводе	1	1
СМ12	33	Высшее	В гражданском браке	1	1
СМ13	36	Высшее	В гражданском браке	2	1
СМ14	25	Среднее специальное	В гражданском браке	1	1
СМ15	34	Высшее	В разводе	2	7-й месяц беременности
СМ16	26	Среднее специальное	В браке	2	1

Библиографические ссылки / References

- Бахтин М. М.* Эпос и роман. СПб. : Азбука, 2000. 302 с.
Богословская К., Солнцева С. Конструирование «сериальных» реальностей. Социологический анализ // Искусство кино. 2008. № 7. С. 137–149.

Бурдьё П. Формы капитала // Социологическое пространство Пьера Бурдьё : [сайт]. URL: <http://bourdieu.name/bourdieu-forms-of-capital> (дата обращения: 04.05.2024).

Здравомыслова Е. А., Тёмкина А. А. 12 лекций по гендерной социологии : учеб. пособие. СПб. : Изд-во Европ. ун-та в С.-Петербур., 2015. 768 с.

Кислова Л. С. Телесериал как социальный проект в современном массовом дискурсе: национальная специфика // Вестн. Тюмен. гос. ун-та. Гуманитарные исследования. Humanitates. 2021. Т. 7, № 1 (25). С. 80–105. DOI 10.21684/2411-197X-2021-7-1-80-105.

Козлов Е. В. Нарратив сериала: между буквой и цифрой // Культ-товары: массовая литература современной России между буквой и цифрой : сб. науч. ст. СПб. : РГПУ им. А. И. Герцена, 2018. С. 63–69.

Кушнарева И. Как нас приучили к сериалам // Логос. 2013. № 3 (93). С. 9–19.

Лотман Ю. М. Об искусстве. СПб. : Иск-во-СПб., 1998. 702 с.

Немченко Л. М., Якимов А. Е. Разная повседневность в современном авторском кино и российских сериалах // Исторические трансформации культуры: концепты, смыслы, практики : материалы Междунар. науч. конф. (XVI Колосницинские чтения), Екатеринбург, 2021. Екатеринбург : [Б. и.], 2021. С. 229–236.

Новикова А. А. Сериал как инструмент социокультурного воздействия // Большой формат: экранная культура в эпоху трансмедийности : в 3 ч. / сост. Ю. А. Богомолов, Е. В. Сальникова. М. : Изд. решения, 2018. Ч. 3. С. 119–130.

Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс / пер. с исп. А. Гелескула. М. : АСТ, 2016. 256 с.

Полякова И. Г. Профессионализация суррогатного материнства: за и против // Вопросы гинекологии, акушерства и перинатологии. 2024. Т. 23, № 2. С. 86–92. DOI 10.20953/1726-1678-2024-2-86-92.

Рапопорт Е. Логика сериала // Логос. 2013. № 3. С. 21–36.

Суррогатное материнство: за и против // ВЦИОМ : [офф. сайт]. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/surrogatnoe-materinstvo-za-i-protiv> (дата обращения 07.05.2024).

Фромм Э. Искусство любви. Минск : ТПЦ «Полиграф», 1990. 80 с.

Хайдеггер М. Бытие и время / пер. В. В. Бибихина. М. : Академ. проект, 2015. 460 с.

Bakhtin, M. M. (2000). *Epos i roman* [Epic and Novel]. St Petersburg, Azbuka. 302 p. (In Rus.)

Bogoslovskaya, K., Solntseva, S. (2010). Konstruirovaniye "serial'nykh" real'nostei. Sotsiologicheskii analiz [Construction of "TV Show" Realities. Sociological Analysis]. In *Iskusstvo kino*. No. 7, pp. 137–149. (In Rus.)

Bourdieu, P. (N. d.). Formy kapitala [The Forms of Capital]. In *Sotsiologicheskoe prostranstvo P'era Burd'e* [website]. URL: <http://bourdieu.name/bourdieu-forms-of-capital> (accessed: 04.05.2024). (In Rus.)

Connell, L. (2023). Baby Makers: Representing Commercial Surrogacy in Film and Television. In *Women: A Cultural Review*. Vol. 34. No. 4, pp. 390–409. DOI 10.1080/09574042.2023.2278304.

Elder, A. H. (2014). Wombs to Rent: Examining the Jurisdiction of International Surrogacy. In *Oregon Review of International Law*. Vol. 16. No. 2, pp. 347–374. DOI 10.1007/s11845-023-03546-9.

Ellenbogen, A., Feldberg, D., Lokshin, V. (2021). Surrogacy – a Worldwide Demand. Implementation and Ethical Considerations. In *GREM. Gynecological and Reproductive Endocrinology & Metabolism*. No. 02, pp. 066–073. DOI 10.53260/GREM.212021.

Friedman, D., Hechter, M., Kanazawa, S. (1994). A Theory of the Value of Children. In *Demography*. Vol. 31, pp. 375–401. DOI 10.2307/2061749.

Fromm, E. (1990). *Iskusstvo lyubvi* [The Art of Loving]. Minsk, Poligraf. 80 p. (In Rus.)

Ghodrati, F. (2023). A Comparative Study of Surrogacy Rights in Iran and European Countries, a Review Article. In *Ethics, Medicine and Public Health*. Vol. 27, pp. 2352–5525. DOI 10.1016/j.jemep.2023.100880.

Golden, F. (2017). Breaking Down Hollywood's Depiction of Surrogacy. In *Golden Surrogacy* [website]. URL: <https://goldensurrogacy-com.translate.goog/social-media/blog/>

breaking-hollywoods-depiction-surrogacy/?_x_tr_sl=en&_x_tr_tl=ru&_x_tr_hl=ru&_x_tr_pto=sc (accessed: 05.02.2024).

Heidegger, M. (2015). *Bytie i vremya* [Being and Time] / transl. by V. V. Bibikhin. Moscow, Akademicheskii proekt. 460 p. (In Rus.)

Jacobson, H. (2016). *Labor of Love: Gestational Surrogacy and the Work of Making Babies*. Ithaca, NY, Rutgers Univ. Press. 218 p.

Kislova, L. S. (2021). Teleserial kak sotsial'nyi proekt v sovremennom massovom diskurse: natsional'naya spetsifika [TV Series as a Social Project in Modern Mass Discourse: National Specificity]. In *Vestnik Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye issledovaniya. Humanitates*. Vol. 7. No. 1 (25), pp. 80–105. DOI 10.21684/2411-197X-2021-7-1-80-105. (In Rus.)

Kozlov, E. V. (2018). Narrativ seriala: mezhdubukvoi i tsifroi [Narrative of the Series: Between Letter and Number]. In *Kul'tovary: massovaya literatura sovremennoi Rossii mezhdubukvoi i tsifroi. Sbornik nauchnykh statei*. St Petersburg, Rossiiskii gosudarstvennyi pedagogicheskii universitet imeni A. I. Gertsena, pp. 63–69. (In Rus.)

Kushnareva, I. (2013). Kak nas priuchili k serialam [How We Were Trained to Watch TV Series]. In *Logos*. No. 3 (93), pp. 9–19. (In Rus.)

Lotman, Yu. M. (1998). *Ob iskusstve* [On Art]. St Petersburg, Iskusstvo-SPb. 702 p. (In Rus.)

Nemchenko, L. M., Yakimov, A. E. (2021). Raznaya povsednevnost': povsednevnost' v sovremennom avtorskom kino i rossiiskikh serialakh [Different Everyday Life: Everyday Life in Contemporary Art-House Cinema and Russian TV Series]. In *Istoricheskie transformatsii kul'tury: kontsepty, smysly, praktiki, Materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii (XVI Kolosniysynskie chteniya)*. Yekaterinburg, S. n., pp. 229–236. (In Rus.)

Novikova, A. A. (2018). Serial kak instrument sotsiokul'turnogo vozdeistviya [TV Series as a Tool of Sociocultural Influence]. In Bogomolov, Yu. A., Sal'nikova, E. V. (Eds.). *Bol'shoi format: ekrannaya kul'tura v epokhu transmediinosti v 3 ch*. Moscow, Izdatel'skie resheniya, pp. 119–130. (In Rus.)

Ortega y Gasset, J. (2016). *Vosstanie mass* [The Revolt of the Masses] / transl. by A. Geleskul. Moscow, AST. 256 p. (In Rus.)

Polyakova, I. G. (2024). Professionalizatsiya surrogatnogo materinstva: za i protiv [Professionalisation of Surrogacy: Pros and Cons]. In *Voprosy ginekologii, akusherstva i perinatologii*. Vol. 23. No. 2, pp. 86–92. DOI 10.20953/1726-1678-2024-2-86-92. (In Rus.)

Rapoport, E. (2013). Logika seriala [The Logic of the Series]. In *Logos*. No. 3, pp. 21–36. (In Rus.)

Siegl, V. (2023). *Intimate Strangers: Commercial Surrogacy in Russia and Ukraine and the Making of Truth*. N. Y., Cornell Univ. Press. 306 p.

Smietana, M., Rudrappa, S., Weis, C. (2021). Moral Frameworks of Commercial Surrogacy within the US, India and Russia. In *Sexual and Reproductive Health Matters*. Vol. 29. No. 1, pp. 1–17. DOI 10.1080/26410397.2021.1878674.

Surrogatnoe materinstvo: za i protiv [Surrogacy: Pros and Cons]. (2024). In *Vserossiiskii tsentr izucheniya obshchestvennogo mneniya* [website]. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/surrogatnoe-materinstvo-za-i-protiv> (accessed: 07.05.2024). (In Rus.)

Tanderup, M., Reddy, S., Patel, T., Nielsen, B. B. (2015). Informed Consent in Medical Decision-making in Commercial Gestational Surrogacy: A Mixed Methods Study in New Delhi, India. In *Acta Obstetrica Gynecologica Scandinavica*. Vol. 94. No. 5, pp. 465–472. DOI 10.1111/aogs.12576.

Teman, E. (2010). *Birthing a Mother: The Surrogate Body and the Pregnant Self*. Berkeley, Univ. of California Press. 361 p.

Zdravomyslova, E. A., Temkina, A. A. (2015). *12 lektsii po gendernoi sotsiologii: uchebnoe posobie* [12 Lectures on Gender Sociology: A Textbook]. St Petersburg, Izdatel'stvo Evropeiskogo universiteta v Sankt-Peterburge. 768 p. (In Rus.)

The article was submitted on 10.09.2024